

Бай Циань поправил на себе маленькую куртку из небесно-голубого атласа, поправил на шее золотой ошейник с гравировкой «Исполнение всех желаний» и, стараясь не попадаться на глаза слугам, мелкими шажками побежал в комнату бабушки.

Пользуясь тем, что он еще мал, он проскользнул за ширму и прислушался. Матушка Бай, его мать и семья дяди все еще обсуждали одно и то же дело: как Гу Яньли собирается поступить, и что по этому поводу думают старший брат и сам Ань-эр.

Бай Циань услышал, как бабушка тихо сказала:

— Если Ань-эр не захочет, я, даже не жалея своего лица, пойду в поместье Гу и буду просить их. Наша семья тоже имеет определенный вес, и мы ни за что не позволим, чтобы Ань-эра обижал этот Янь-гэ.

Затем он услышал, как Бай Лан принялся ее утешать:

— Господин Гу сказал, что я могу каждый день привозить Ань-эра и забирать его обратно. Хотя в задние покои мне вход заказан, я попрошу няню Чжао приглядывать за ним получше, этого будет достаточно. Даосы и монахи, гадавшие Янь-гэ, говорят, что у него огромная благодать. Быть может, если Ань-эр побудет рядом с ним подольше, его здоровье станет таким же крепким?

Он добавил еще немало шуточных слов, и атмосфера в комнате наконец разрядилась.

Бай Циань нарочно громко застучал ногами, выкрикнул: «Бабушка!» — и, собравшись с духом, бросился ей в объятия.

Услышав детский голос, взрослые замолчали. Матушка Бай, расплывшись в улыбке, запричитала:

— Мое сердечко, мой внучек, почему ты не поспал в своей комнате, а прибежал сюда, липнешь ко мне, словно сахарная патока?

Она позвала няню, что была снаружи, и отчитала ее за нерасторопность — допустила, чтобы ребенок выбежал на улицу в одной легкой куртке.

— Кто за ним присматривал! Даже грелку с собой не дали. Поглядите, личико у моего Ань-эра совсем ледяное! Если он простудится, я никого из вас не пощажу!

Бай Циань коснулся рукава бабушки и пролепетал:

— Я проснулся и подумал, что молочно-белый виноград здесь самый вкусный, вот и прибежал, не дожидаясь служанок.

Пользуясь своим детским положением, он начал ластиться к матушке Бай. Когда бабушка рассмеялась, он поклонился матери и семье дяди. Хотя разговор взрослых был прерван, они не

знали, сколько именно услышал ребенок, поэтому могли лишь улыбаться и кивать. Они решили дожидаться возвращения старшего брата, чтобы обсудить все вместе, а сейчас самым важным было подготовить экипаж и отправиться в храм Няньхуа для подношения благовоний.

Увидев, что все готово, матушка Бай, любившая шумные сборища, взяла с собой человек десять, чтобы вместе отпраздновать день рождения Бодхисаттвы Авалокитешвары.

В храме Няньхуа было не протолкнуться: паломники жгли благовоения, зажигали светильники, били поклоны и загадывали желания. Семья Бай установила несколько больших фонарей мира, поэтому им не пришлось толкаться в толпе — их сразу проводили в заднюю часть храма, где стояли светильники. Матушка Бай, госпожа Линь и госпожа Лю вытянули по жребии и отправились к мастеру Циньи за толкованием.

У Бай Цианя тоже нашлось дело. Слуга Чжулин и две крепкие няньки под присмотром монахов повели его в задний двор переодеваться. Неизвестно было, кем он станет в этом году — маленьким послушником или юным Бодхисаттвой.

Вскоре на заднем дворе храма появился Бай Циань в белом одеянии Бодхисаттвы, с веткой ивы и нефритовым сосудом в руках. Настоятель лично поставил ему красную точку на лбу. Мальчик, который еще мгновение назад был просто ребенком, превратился в маленького Бодхисаттву: его круглые миндалевидные глаза были полуприкрыты, выражая сострадание и милосердие. Несмотря на детские черты, тонкие линии лица предвещали будущую ослепительную красоту.

Слушая восторженные шепотки окружающих, мальчик смущенно покраснел, что сделало его еще более милым.

— Если бы юный благодетель не родился в такой богатой семье, я бы непременно сделал его своим учеником, — с улыбкой вздохнул настоятель. — Почему мне кажется, что его связь с Буддой становится все глубже?

Няньки, зная, что настоятель просто дразнит ребенка, рассмеялись:

— Тогда слезы госпожи и нашей почтенной бабушки затопят весь храм Няньхуа!

Бай Циань поджал свои алые губы и тоже тихо рассмеялся:

— Нельзя, никак нельзя. Я еще не отплатил за доброту родителям и бабушке, как я могу постричься в монахи? К тому же, отец вчера купил мне новую заколку для волос, если я побрею голову, куда я ее дену? Это же будет пустая трата!

Настоятель не ожидал, что восьмилетний ребенок может сказать такое, и проникся к нему еще большей симпатией. Он лично донес его до Лotosового трона, приказал монахам нести бережно и зашагал впереди.

Алтарь в храме был заранее очищен, и после того, как процессия совершила круг вокруг храма, начался молебен. Монахи уверенно несли Лотосовый трон, а няньки и слуги шли по бокам, приглядывая за порядком. Вокруг них двигалась вереница монахов, нараспев читавших имя Бодхисаттвы Авалокитешвары. Выйдя за пределы храма, они хором принялись читать Глава о вратах к всеобщему спасению, Дхарани Великого Сострадания и Шестисловую мантру.

Бай Циань сидел на Лотосовом троне, окруженный дымкой благовоний. Серый дым и аромат сандала создавали ощущение, будто он и вправду стал Бодхисаттвой из глины и золота. Он опустил взгляд, туманно глядя на верующих. В душе он беззвучно повторял сутры, полужакрыв глаза и молясь, чтобы его семья была в безопасности, а задача выполнена успешно.

— Динь! Обнаружена цель задания! — внезапно раздался взволнованный голос Сяо Мэй.

Ощущение чужого взгляда заставило Бай Цианя очнуться, и он инстинктивно обернулся в ту сторону. Но увидел лишь сплошную стену голов. Мимолетное сердцебиение показалось ему ошибкой.

— Что случилось, Сяо Мэй? Разве по сюжету Гу Яньли не ненавидит всех этих богов и духов? И как же его задница? Прошел всего месяц, он уже поправился? Почему он пришел в такое людное место, как храм Няньхуа?

— Сяо Мэй начинает сканирование! Передаю информацию о человеке рядом с Гу Яньли — это Шэнь Евэнь, двоюродный брат Гу Яньли. В оригинальной книге этот сюжет выглядит так: Шэнь Евэнь, вспоминая их детскую дружбу, чувствует горечь. Он думает о том, что тетушка перед смертью тосковала по этому непутевому сыну, а тот в это время скакал на лошадях и развлекался, и сердце его ожесточается еще сильнее. Он с досадой машет рукой и говорит Гу Яньли: Тетушка умерла, и ста дней не прошло! Ты не думаешь о том, чтобы везти гроб обратно в Яньчжоу, а хочешь украсть рецепт у дочери торговца тофу! Ты просто невыносим! Уходи, мой клан Шэнь больше не имеет с твоим кланом Гу ничего общего!

— (Комментарий Сяо Мэй: цель задания — просто образец сыновней почтительности). Сейчас Шэнь Евэнь приехал в Цзиньлин в гости и от нечего делать решил заглянуть на храмовую ярмарку. Поэтому отец цели задания сжалился и выпустил Гу Яньли. Скоро они пойдут на собачьи бега и петушиные бои!

Бай Циань закрыл глаза, чувствуя, как отчаяние перед заданием лишь возросло. Сможет ли он спасти такого бесстрашного гуляку?

Вернувшись из храма, семья Бай, хотя и была зажиточной, не имела столько строгих правил, как в главных домах, поэтому все весело собрались за одним столом. Сегодня, в честь дня рождения Бодхисаттвы, на столе стояли постные блюда: жареная «свинина» из сои, тушеные овощи, холодные древесные грибы с клейковиной, постная курица и грибной суп.

В храме Бай Циань уже съел «Нефритовую росу», предложенную настоятелем, поэтому на ужин съел лишь полчашки каши с протертыми абрикосами. После трапезы все сидели в комнате матушки Бай. Бабушка кормила внука пирожным из каштановой муки, когда снаружи послышался голос служанки:

— Господин вернулся.

Бай Циань отложил пирожное и пошел кланяться отцу. Занавесь из парчи с узорами была отодвинута, послышались шаги. Бай Циань наклонил голову: шаги отца были не такими спокойными, как обычно, а скорее поспешными.

В комнату вошел красивый мужчина средних лет. Его лицо, обычно озаренное мягкой улыбкой, сейчас было сурово, губы плотно сжаты. Бай Цзинь поклонился матери, принял поклон сына и, взяв Бай Цианя за руку, усадил его на место справа от себя.

Он кивнул брату Бай Лану и заговорил:

— Сегодня господин Гу пригласил меня на чай. Он упомянул, что хочет нанять наставника для Янь-гэ и ищет ему товарища для учебы. Я понял, что он положил глаз на Ань-эра, и сказал, что у них в доме есть такое намерение. Думаю, младший брат, ты тоже об этом слышал. Я не посмел дать ответ, пришел спросить решения матери.

Матушка Бай сразу ответила:

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Хотя Ань-эр не бывал в том доме, подарки, которые они прислали на его пятилетие, ничем не отличались от тех, что дарили родным племянникам. Когда они приходят к нам на праздники, старая госпожа всегда очень ласкова к Ань-эру. Хотя мы и служим им, в доме Гу никогда не было принято ругать или бить слуг, к тому же ты в хороших отношениях с господином Гу. Как можно отказать в такой мелочи? Но есть одно но: я гляжу на Янь-гэ — не хочу показаться ворчливой, но он настоящий маленький дьявол! Я видела его и вздыхала: даже если господин в детстве был озорным, он не был таким бесстрашным, как этот Янь-гэ.

Она взглянула на хмурое лицо старшего сына и понизила голос:

— Я боюсь, что Янь-гэ испортит нашего Ань-эра. Ань-эр прилежно учится, жена следит за ним, он пишет прекрасные иероглифы, да и в книгах стал разбираться лучше, чем ты в его годы. Мы копили силы несколько поколений, чтобы вырастить вас. Ты уже стал чиновником, твой брат тоже не подводит хозяев. Наша семья процветает, я дома лишь молюсь за хозяев. Мы не ждем, что каждый наш ребенок станет великим, но он должен быть преданным и не забывать доброты. Но единственный сын господина Гу растет таким...

Она вздохнула:

— Сейчас ты чиновник, моих слов больше не слушаешь, но в этом деле уступи мне!

Бай Цзинь сложил руки:

— Матушка, я все понимаю. Но... ах... Семья Гу была к нам невероятно добра... Господин Гу всегда помогал мне, он никогда ни о чем не просил. Я не могу видеть, как он мучается из-за сына. Господин Гу сказал, что в его доме с Ань-эром будут обращаться как с родным, он будет только учиться вместе с Янь-гэ, больше никаких обязанностей, а вечером после ужина он будет возвращаться домой. У меня просто не нашлось слов для отказа.

После этих слов в комнате воцарилась тишина. Бай Циань посмотрел на одного, на другого и звонко произнес:

— Бабушка, отец, я хочу пойти в поместье Гу.

Все с удивлением посмотрели на маленького человечка на кушетке.

— Я часто слышал от отца, что в поместье Гу огромная библиотека, я давно мечтал туда попасть. Бабушка всегда учила нас быть благодарными, как я могу забыть об этом? Если этот юный господин Янь будет вести себя плохо, я попробую его вразумить, и все будут счастливы. А если не получится — пожалуюсь господину Гу!

Бай Циань фыркнул. Родные еще немного поспорили, но, видя, что мальчик настроен решительно, начали собирать ему вещи.

Вернувшись в свою комнату, Бай Цзинь и госпожа Линь спросили сына, искренне ли он это говорит. Бай Циань успокоил мать, пообещав хорошо учиться. Видя, что отец все еще тревожится, он добавил:

— Если этот юный господин Янь действительно такой, как говорит бабушка, может, я и дня там не выдержу и вернусь. К тому же, если верить отцу, наставник там — великий ученый, это пойдет мне на пользу.

Бай Цзинь был поражен тем, что его восьмилетний сын так рассуждает, но тревога за здоровье ребенка не давала ему покоя. В ту ночь он долго ворочался, а госпожа Линь, для которой сын впервые покидал дом, тихо плакала.

Бай Циань, спрятавшись под одеялом, в голове шептался с Сяо Мэй, обсуждая, как спасти цель задания, но так и не пришел к выводу. Предотвратить его дебоши и кражу рецепта через десять лет? Но Гу Яньли вряд ли станет слушать. У него есть бабушка и мать, которые его балуют, и слуги, которые ему потакают. А в плане дружбы — единственное, что может понравиться Гу Яньли, это развлечения, которые Бай Цианю чужды.

Он погладил свои волосы — не выпадут ли они от всех этих забот? — и тихо вздохнул, стараясь, чтобы няня, спавшая неподалеку, не услышала.

— Самая милая система Сяо Мэй, можешь дать своему бедному Хозяину хоть маленькую подсказку?

Бай Циань представил в голове маленького человечка с глазами, полными слез. Сяо Мэй,

пораженная его милотой, прорыдала:

— Ууу, Сяо Мэй просканировала: этот мир с момента создания не следовал оригинальному сюжету, это лишь набросок, система не может дать лучший план. Сяо Мэй бесполезна, я не самая милая система!

Похоже, от системы толку не будет. Ладно, как говорится, мост перейдем, когда дойдем до него! Бай Циань, которому приходилось полагаться только на себя, снова вздохнул, похвалил Сяо Мэй, чтобы та снова стала веселой, и они вместе принялись смотреть Губку Боба.

<http://bllate.org/book/20696/2067689>